

ФЕНОМЕН «ДВУДОМНОСТИ» ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР)

Галина Я. Ильина

*Центр по изучению литератур стран ЦЮВЕ ИСл РАН,
Москва, Россия*

The problem of «diclnouess» literary creativity in the multinational environment, that means its double literary accessory, has already the history. In a basis of its occurrence lay deep geopolitical, ethnic, linguistic, religious and historical-literary roots. Under certain conditions this problem, more often under influence of external factors, receives additional impulses for an aggravation and becomes a subject of rather rigid discussions.

The analysis of features biliterary accessories of creativity of the writer, demands the scientific system analysis covering all complex of factors which participate in formation of its aesthetic shape. Understanding all acuteness of the put problem for modern Yugoslavian literatures, it is important no to black out possible biliterary of writer's creativity, giving the report that the accessory to one literature does not exclude its significant role for another.

Проблема «двудомности» литературного творчества в мультинациональной среде (термин словацкого ученого Д. Дюришина, 1979: стр. 248), т.е. двойной (а иногда и более) литературной принадлежности уже имеет свою историю. Она связана не только с балканским регионом, ее примеры можно наблюдать в литературах Чехии и Словакии, Австрии и Германии, в литературах России. Да и не только в них. Корни этого явления уходят в глубокие геополитические, этнические, языковые, конфессиональные, историко-культурные и литературные пласты. При определенных условиях, получив, чаще всего под воздействием внешних факторов, дополнительные импульсы, эта проблема актуализируется и становится предметом ожесточенных, не только эстетических, дискуссий. Подобная ситуация сложилась после распада СССР и Югославии.

В этих странах межнациональная напряженность, повышенная чувствительность к национальному вопросу, национальному языку, самобытности национальной культуры во многом стали реакцией на длительную недооценку многомерности национального бытия и

вышли на поверхность в 1960–70-е гг. По наблюдениям российского ученого С. Алиевой, интерес к родной (этнической) досоветской и внесоветской истории, к национальному бытию, образу мышления и жизни захватил *«все без исключения литературы народов СССР, начавших тяготеть к определению своего собственного самобытного лица, своего незаемного национального характера»* (Алиева, 1996: стр. 72). Интенсивность обострения этноцентристского мышления и своеобразной сакрализации этнического нарастала, и к концу XX в. так называемый «этнический ренессанс» достигает своего пика. Акценты переносятся на возрастающую потребность в самоидентификации.

Соглашаясь с отечественным исследователем Г. Гачевым в том, что *«национальный склад мышления материально закреплен в словесности народа»* и что *«художественное произведение – это как бы национальное устройство мира в удвоении»* (Гачев, 1988: стр. 53), следует признать и то, что это сущностное качество художественной литературы определяет и сохраняет ее огромную актуальность в сфере национального самоутверждения. Происходившая реставрация исторической полноты национальной культуры возвращает в литературу ранее изъятые – по разным причинам – имена и «тексты», рождает потребность в переоценке и переосмыслении творчества отдельных писателей и литературной истории в целом. Этим собственно вызван наблюдаемый в последнее время очевидный общественный и научный интерес к национальным историям, биографическим словарям и лексиконам, к изданиям и переизданиям собраний сочинений классиков национальных литератур. К тому же, этот интерес подогревается действием двух разнонаправленных процессов – набирающими в современном мире силу глобализационными тенденциями, с одной стороны, и национально-идентификационными, с другой. Стремление выйти за национальные рамки, влиться в большой экономический и культурный мир сочетается, противоборствует и дополняется не меньшим желанием сохранить себя, свое мироощущение, свою национальную память, объединить национальное и наднациональное, этнически-локальное и универсальное. На этом поле столкновения центробежных и центростремительных сил возрастает значение интегральной сущности художественной литературы, объединяющей этику и эстетику национального самоопределения, национальный и общечеловеческий статус личности. В этом сложном и противоречивом контексте для историков литературы (и не только для них) одной из самых болезненных проблем становится определение национальной принадлежности писателя и его творчества.

Югославская ситуация имела свою специфику. Для югославянских народов, близких этнически и по языку, но оказывавшихся на протяжении веков в разных государствах, в разных исторических, религиозных и культурных ареалах, возникали самые многообразные формы межлитературного общения. Когда в XX в. они объединились в одном государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), а после 1945 г. – в социалистической республике Югославия, – то возникло совершенно новое многонациональное, полиэтническое, поликонфессиональное и поликультурное пространство. Но и здесь вошедшие в первую и вторую Югославию народы продолжали отстаивать свое национальное и культурное своеобразие, сложившееся под воздействием разных цивилизационных систем. Хорватия, Словения, Воеводина формировались под воздействием католического Запада и испытали немалое латинское, итальянское, а позднее немецко-австрийское воздействие. Сербия, Македония, Черногория тяготели к Византии, а затем – к России и ее культуре. Македонскую культуру, к тому же, связывали теснейшие узы, вплоть до слитности процессов в отдельные периоды, с культурой болгарской. Третья составляющая складывающегося культурного пространства восходила к османскому и шире – к ориентальному влиянию, которое в наибольшей мере проявилось у мусульман Боснии и Герцеговины. Меньше оно сказалось у сербов, черногорцев и македонцев, сохранивших православные основы своей культуры. В многонациональном пространстве все эти культурные потоки противостояли унитаристской политике «интегрального югославянства» в первой Югославии и господству социалистической идеологии – во второй. Между тем, в рамках единого государства, кроме официального, часто насильственного, интегрирования, действовали и комплементарные, общегославские тенденции, опиравшиеся на целый комплекс как более или менее постоянных факторов (географических, языковых, этнических), так и факторов временных (государственных, идеологических, миграционных). Они способствовали созданию общекультурного и общелитературного пространства с множеством новых контактных и типологических связей и видов взаимопересечения художественных ценностей; созданию многонационального литературного контекста, в котором действовала общность эстетических задач и в котором более развитая литература выступала посредником в освоении более высокой эстетической культуры и способствовала ускоренному преодолению отставания другими литературами. Такова, например, была роль сербской

литературы в развитии македонской литературы, сербской и хорватской – в развитии мусульманской литературы Боснии и Герцеговины.

Интеграционные процессы принимали самые многообразные формы. Среди них были и те, что получили название «билитературного (или полилитературного) существования (термин Дюришина). Теоретически это положение вряд ли вызывает у кого-нибудь отторжение, но его практическое применение в отдельных литературах рождает острое столкновение мнений, в котором весьма существенную роль играет политический момент. Разные точки зрения возникают из-за толкования казалось бы одних и тех же положений – роли и значения языка, народного творчества, культурных традиций в этическом и эстетическом мировосприятии и формировании личности, такого фактора как место рождения и проживания, среда воспитания и творческая среда, в которой действует писатель, а также его отношение к национальной литературной идентификации. Безусловно, важны все эти критерии, поэтому абсолютизация одних и недооценка других из них становится причиной возникающей нередко небезобидной разногласности. Лишь совокупность большей части из названных критериев, образующей систему координат, может позволить определить национальную принадлежность творчества писателя, нисколько не умаляя при этом его роли, если она была, для другой литературы.

Приведу несколько примеров. В 1961 г., отвечая на вопрос Матицы Хорватской, каким писателям – сербским или хорватским – он себя считает, Владан Десница ответил, что числит себя югославским писателем, т.е., поясняет он, и хорватским, и сербским. Для него была неприемлема жесткая альтернатива – «или хорватский, или сербский», так как, полагает он, по своим взглядам и творчеству он принадлежит к обеим литературам, *«ощущая себя в каждой из них 'как дома' и воспринимая каждую среду как свою»* (Рапо, 2004: 128).

Десница выделил несколько очень важных аспектов, причем на заре возникновения этой проблемы в СФРЮ. Первый аспект: есть писатели, чье творчество принадлежит двум литературам, в том числе и тем, что формировались в разных культурных и религиозных ареалах. Второй аспект: принадлежность к одной литературе не исключает значительной роли творчества того или иного писателя в другой литературе. Подтверждение тому наблюдалось в прошлом – например, словенец Станко Враз стал активным деятелем хорватского национального возрождения и на хорватском языке создал лучшие свои произведения; творчество П.П. Негоша неотделимо от

черногорской и сербской литературы XIX в. В XX в. число подобных явлений многократно возросло. Очень важен также третий, выделенный Десницей аспект: он называет себя югославским писателем, подчеркивая тем самым некую наднациональную природу сложившейся межлитературной общности. Нельзя не заметить в этом некоторой аналогии между такими понятиями как «югославский писатель» и «югославская литература» и «советская литература» и «советский писатель». Однако между ними существует и явное отличие. В определении «югославский», кроме государственно-идеологического признака, содержится еще и указание на этническую близость литератур и таким образом на большую их взаимосвязанность. Помимо этого, понятие «югославский писатель» употреблялось и для обозначения масштаба деятельности того или иного писателя, скажем, И. Андрича, М. Крлежи или М. Селимовича.

Другой пример. Особенно сложная межнациональная ситуация сложилась в Боснии и Герцеговине, где в многонациональной и многоконфессиональной среде сосуществовали три славянские литературы со своими эстетическими системами – литературы сербов, хорватов и мусульман (по теперешней терминологии – бошняков). С последней трети XIX в., после вхождения Боснии и Герцеговины в Австро-Венгрию, у боснийских мусульман, ранее более тесно связанных с ориентальными литературами, растет самосознание их славянской сущности. Они становятся более открытыми в отношениях с другими славянскими этническими группами и их литературами, а те, в свою очередь, устанавливают более тесные и плодотворные контакты с литературами Сербии и Хорватии. Постепенно с этими литературами завязываются и укрепляются контакты и мусульман. Таким образом, и здесь возникают условия для появления межлитературных общностей, в том числе и билитературных писателей (Н. Симич, Х. Кикич, А. Мурадбегович, М. Диздар, М. Селимович).

Также не менее сложной оказалась литературная идентификация некоторых черногорских писателей. Многие из них постоянно жили в Белграде (Р. Зогинович, М. Лалич, Е. Бркович), активно участвовали в сербском литературном сообществе, но при этом не теряли связи со своей «малой» родиной. С ней, как правило, напрямую соотносился художественный мир их произведений, причем не только тематически, но именно ментально, находя выражение в национальных характерах героев, стиле произведений, в первую очередь в диалектных особенностях речи персонажей, национальной образности, восходящей к историческим и культурным особенностям, народным

представлениям о природе и человеке. Но все это нисколько не исключало признания черногорскими писателями опоры на более богатые литературные традиции сербской литературы, в которой они тоже чувствовали себя «как дома».

Оказавшись, как Десница, в ситуации вынужденного выбора, некоторые из них делали его не в пользу своей родной литературы. Так поступил босниец М. Диздар, определившись как хорватский поэт. М. Селимович и С. Куленович выбрали сербскую литературу. На этом основании сейчас Диздар включается в историю хорватской литературы, а Куленович и Селимович – в историю сербской, порой даже без упоминания их принадлежности к родной литературе. Однако, на мой взгляд, у этой проблемы нет однозначного решения, оно чаще всего амбивалентно и включает переплетение разных стихий. При всем уважении к решению самого писателя, нельзя не принимать во внимание, что в условиях авторитарного государства оно могло нередко приниматься под влиянием внелитературных факторов, а также и по сугубо личным причинам, не имеющим никакого отношения к творчеству. На этот момент обратил внимание хорватский историк литературы С. Просперов Новак. По его мнению, национальное литературное самоопределение является фактом гражданской биографии писателя, *«тогда как их произведения все равно продолжают в такой же мере оставаться частью их родной традиции, как и 'выбранных родин'»* (Prosperov Novak, 2004: str. 294). Нельзя также исключать и того, что немалую роль в самоопределении могло играть критическое отношение писателя к возрастающему в Югославии этническому национализму, стремление выйти за рамки этнографического архаизма, культурных стереотипов и экзотической орнаментальности, а также желание войти в круг эстетически более развитой литературы. Это очень важные причины. Но и они не должны отрывать творчество данного писателя от родной литературы, ее истории и вести к недооценке его вклада в ее развитие. К тому же практика была куда сложнее. Тот же М. Диздар, выходец из старинной мусульманской семьи с литературными традициями, объявив себя хорватским писателем, продолжал жить в Сараево, был редактором республиканской газеты «Освобождене» и литературного журнала «Живот». Его поэзия неразрывно связана со старой и новой боснийской мусульманской литературой, что, кстати, отмечают и авторы статьи о нем в «Лексиконе хорватской литературы», куда он был включен. Для них творчество поэта в целом, «занимая неоспоримое место в хорватских антологиях, существует в своем цивилизационном пространстве и в широком смысле слова

способствует эмансипации мусульманского бошнячества» (Bogišić i dr., 1998: 68). А уже упоминавшийся историк хорватской литературы С. Просперов Новак делает вывод, что после смерти поэт *«комфортно расположился в двух литературах параллельно, в бошнячкой и хорватской»* (Prosperov Novak, 2004: 168).

И наконец, вопрос о родном языке, который, естественно, практически всеми исследователями выдвигается на первый место. Но оказывается и с ним не все так просто. Перед исследователями советских, а сейчас российских, национальных литератур – и не только для них (такой вопрос встает для испаноязычных, англоязычных или немецкоязычных, а также и югославянских языковых групп) – возникает вопрос о соотношении языкового и художественного сознания. М. Бахтин категорически утверждал, что *«творческое сознание никогда не совпадает с языковым сознанием»*, которое является *«только материалом, сплошь управляемым чисто художественным заданием»* (Бахтин, 1979: 168). Другие ученые менее категоричны. Так, К. Султанов на примере северокавказских литератур приходит к выводу, что национальное самосознание нельзя сводить к одному моменту, даже такому как язык (Султанов, 2001: 24). И С. Алиева полагает, что *«...в определенных случаях художественная практика выносит на повестку дня проблему независимости национальной идеи от родного языка»*. По ее мнению, творчество на русском языке не мешало Ч. Айтматову *«...утверждать киргизскую национальную идею как всеопределяющий стержень всех его произведений»* (Алиева, 1996: 77).

Для югославян возникают дополнительные трудности. Если для словенцев и македонцев в отношении к сербам, хорватам, боснийцам и черногорцам язык может выступать одним из основных разграничителей, то для народов сербохорватского ареала в полной мере, а тем более единственным конституирующим национальное самосознание компонентом, язык таковым не является, причем, даже после возникновения самостоятельных югославянских государств, когда дополнительные импульсы получил процесс обособления национальных языков и когда акцентирование в них отличительных признаков служит порой критерием для определения национальной литературной принадлежности писателя. В уже цитированном «Лексиконе хорватской литературы» авторы, например, объясняют включение в него сербского писателя И. Андрича тем, что *«...перейдя на сербский язык и войдя в сербскую литературную жизнь»*, писатель *«сохранил языковые, стилевые, тематические и философские компоненты хорватского наследия»* (Bogišić i dr., 1998: 13). Известно,

что И. Андрич начинал свою литературную деятельность в рядах Хорватской модерны. Будучи активным сторонником югославизма, после образования Югославии он переезжает в Белград и включается в литературную жизнь столицы. В 1961 г. Андрич как выдающийся сербский писатель получает Нобелевскую премию. Безусловно, экспрессионистический опыт первых лет творчества не прошел для него бесследно, но, став сербским писателем, он был одним из тех, кто определял развитие сербской литературы. Это, однако, нисколько не отрицает его первоначальной принадлежности к хорватской литературе. Влияние Андрича ощущается в произведениях многих писателей из других литератур Югославии и в первую очередь Боснии и Герцеговины. Экзотический мир Боснии, который он знал превосходно, поскольку там он родился и вырос, стал для него моделью человеческого существования, прообразом человеческого общепития людей и народов разного мировосприятия. Поэтому к нему, как и к хорватскому писателю М. Крлеже, больше всего подходило определение югославский писатель. Значение их творчества, по справедливому мнению современного хорватского ученого К. Немеца, *«выходит за пределы одной литературы»* (Немец, 1992: 189).

Понимая всю дискуссионность поставленных проблем, особенно сложность их конкретного преломления и их теснейшую связь с политическими и идеологическими факторами в итоге подчеркну, что только совокупность всех компонентов, образующих систему координат, поможет определить национальную или билитературную (если она была) принадлежность творчества писателя и его роль в развитии той или иной литературы. Поможет выделить эстетическую составляющую двудомности творчества, так как билитературные писатели *«живут в каждой из литератур 'иначе', согласно их месту и значению в каждой литературе»* (Дюришин, 1979: 249). Задача историка литературы и состоит в определении важности их роли для каждой исследуемой литературы или литератур.

Литература

Алиева, С. У. 1996. Национальная идея и эстетика социалистического реализма. в Нация. Личность. Литература. Москва. Вып. 1.

Бахтин, Михаил. М. 1979. Эстетика словесного творчества. Москва.

Гачев, Георгий. Д. 1988. Национальные образы мира. Москва.

Дюришин. Диониз. 1979. Теория сравнительного изучения литератур. Москва.

Султанов. Казбек. К. 2001. Национальное самосознание и ценностные ориентиры литературы. Москва.

Bogišić. Vlaho, Čale. Feldman. Lada, Duda. Dean, Matičević. Ivica. 1998. Leksikon Hrvatske književnosti. Zagreb.

Nemec. Krešimir. 1992. Andrić u procesu razdruživanja. In Republika. Zagreb, №11–12.

Prosperov. Novak. Slobodan. 2004. Povijest hrvatske književnosti. Zagreb. Sv. II.

Rapo. Dušan. 2004. Književnost i nacionalno stanje. In Zbornik radova o Vladanu Desnici. Zagreb.